

Францией, как Петрарка был доволен Италией. Во время двух миссий в Рим (1404, 1412) ему удалось познакомиться с несколькими итальянскими письмами, которые нам уже известны: Леонардо Бруни был секретарем папы, и Жан де Монтрей никак не мог с ним не встретиться. Принят он был дружелюбно, но надо было видеть, как посвященные утюжили этого «кандидата в культуру». Примите его милостиво, писал Бруни, обращаясь к Никколо Никколи, но если понадобится зарезать жертву, чтобы запечатлеть вашу дружбу, его зарежут с педантичностью, от которой он сам несколько не пострадает («*cujus ipse non omnino est expers*»). Так что для них Жан де Монтрей оставался неотесанным вар-

варом. Обратившийся к литературе благодаря влиянию Гонтье Коля, он вышел из парижской университетской среды, написал сочинение «О незабываемых деяниях и событиях в жизни франков» («*De gestis et factis memorabilibus Francorum*») и весьма небольшую книгу «Жизнь Карла Великого», которой, хотя бы из-за стиля, можно предпочесть только одноименную книгу Эйнхарда. Почитатель Салутати, которого он пережил на двенадцать лет, Монтрей был далек от того, чтобы сравнивать себя с ним в эпистолярном жанре — разве что ему не нравилась мания Салутати заполнять свои письма таким количеством классических цитат, какое тот мог только вспомнить, и даже большим. Это был дипломат, обеспеченный доходами с церковного имущества и бенефициями до такой степени, что он объявил себя пресыщенным ими — это, однако, не помешало ему требовать их от других, — и стремящимся лишь к латинской культуре. Однако он тоже был церковным человеком, горячо интересующимся реформой и единством христианства, как сам Никола де Клеманж, которым он восхищался. Леонардо Бруни рассчитал верно. Жан де Монтрей прибыл в Италию из другого мира. Гуманистическое движение во Франции, которое, как мы увидим, продолжается в XV веке, проистекает из своих собственных источников — источников средневековья, и поэтому оно должно было долго оставаться гуманизмом теологов. Гильом Фише прославился после Клеманжа тем, что первым пробудил во Франции уснувшее красноречие. Но он представит свою «Риторику» (1471) Бессариону «как произведение теолога, соблазненного очарованием иностранной провинции и разжалобленного недостатками своей собственной, а по этой причине неосторожно назначенного управлять первой, но никогда не перестающего преподавать в это самое время Священное писание». После Фише был еще Робер Гаген (ум. в 1501) из ордена братьев Святой Троицы и искупления плененных, верховным генералом которого он стал в 1473 г., и в

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 570

1479 г. подготовил его новый Устав. Гаген пишет трактат в защиту Непорочного зачатия, и этот безупречный монах не удовлетворяется принадлежностью к ордену искупления плененных — он сам освобождает от него немало членов. Вот два учителя — итальянец и француз: Грегорио да Читта ди Каstellо и Гильом Фише. Позднее Фише продолжал свое дело в полном одиночестве, но не будем думать, что это произошло из-за его склонности к язычеству. Гаген не доверяет философам («*a philosophorum gentiliu studio arbitror esse declinandu*»*), он проявляет беспокойство об успехе, которым пользовался тогда Платон благодаря Фичино, а для себя он хочет малого, в частности того, чтобы поприветствовать в 1498 г. Корнелия Гирарда Аурелия и добиться безупречного выражения смысла Писания на очень хорошей латыни: «*integre de scripturis divinis sentire, et quae recte sentis, pure latineque dicere*»**. В 1495 г. Гаген получает за свой труд «Краткое изложение происхождения и деяний франков» («*De origine et gestis Francorum Compendium*») грамоту от Парижского университета; это было первое произведение, напечатанное молодым Эразмом. Не только, как утверждают многие, Гильом Фише, Робер Гаген и их друзья «слишком сильно впитали теологическое образование: уверенность в возрождении